

## Глава 6. Я что, съесть тебя собираюсь?

—

Ду Хэн последовал за Цинь Сяоманем в одну из комнат. Дом семьи Цинь имел распространенную форму «совка»: жилые постройки окружали двор с трех сторон. В центре, окнами на восток, располагалась главная комната, а по бокам от нее – по спальне.

Левая спальня, примыкающая к главной комнате, принадлежала Цинь Сяоманю; она находилась вплотную к кухне. Правая спальня была комнатой его двоих родителей. Хотя старики ушли из жизни, дверь в эту комнату была заперта на замок – Цинь Сяомань намеренно сохранял там всё так, как было прежде.

Оставалась еще одна комната, расположенная через двор напротив кухни. К ней примыкал загон для скота; стена была надежной, так что грязи или запаха не чувствовалось, разве что иногда доносились звуки копошащихся свиней.

Ду Хэн осмотрел всё вокруг. Цинь Сяомань был чистоплотным юношей: хотя в этой комнате и хранились кое-какие вещи, они были аккуратно сложены в углу. В нынешних обстоятельствах иметь такую отдельную комнату было большой удачей. Он поднял голову, рассматривая потолок:

— Вполне неплохо, и протечек не видно.

Услышав это, Цинь Сяомань недовольно буркнул:

— Эта комната вообще-то предназначалась для моего младшего брата, который не успел родиться. Здесь всё обустроено чинно, только вот из-за того, что годами никто не жил, в ней нет жилого духа. Она не примыкает к кухне, как моя комната, поэтому в ней совсем не держится тепло. Зимой спать будет страшно холодно.

Ду Хэн улыбнулся:

— Ничего, я не боюсь холода.

Цинь Сяомань перепробовал все доводы, но, видя, что этот упрямец стоит на своем, сжал губы в узкую линию:

— Ладно, пусть будет по-твоему.

Он смахнул пыль с кровати – там всегда висел полог, так что было не слишком грязно. Затем Сяомань принес чистую хлопковую простыню толщиной примерно в палец, расстелил её на деревянных досках и бросил сверху тяжелое ватное одеяло весом в четыре-пять цзиней:

— Ну всё, устраивайся и спи.

Ду Хэн, глядя на аккуратно застеленную постель, искренне сказал:

— Спасибо.

Цинь Сяомань дошел до двери, но вдруг высунулся обратно в проем и, приподняв бровь, бросил Ду Хэну:

— Если ночью станет совсем холодно – иди ко мне. У меня в спальне есть кушетка, на ней тоже

можно спать.

Ду Хэн взглянул на кровать и твердо ответил:

— Здесь всё отлично.

Цинь Сяомань закатил глаза, пожал плечами и больше ничего не сказал.

Оставив позади события трудного дня, Ду Хэн задвинул засов и с редким чувством облегчения лег в постель. Хотя мысли о будущем давили на сердце, тело было настолько изнурено, что, закрыв глаза, он почти сразу провалился в сон.

Зимний ночной ветер, завывая, хлестал по ветвям деревьев, уже сбросивших листву; его резкие порывы напоминали рев чудовища. Сельские просторы – это не городские переулки, где дома прижаты друг к другу, защищая от ветра, и где обилие людей и очагов создает тепло. В такие суровые годы те, кто не имел крова (разве что нищие-попрошайки), редко доживали до конца зимы; большинство всё же спасалось в деревенских хозяйствах.

Среди ночи Ду Хэн вздрогнул от холода – именно он его и разбудил. Слушая завывание ветра снаружи, он понял, что дождь усилился: капли гулко барабанили по черной черепице. Дыхание Ду Хэна превращалось в белый туман. Он приподнялся в постели. Он проспал всего несколько часов, но от жестких досок кровати спина и плечи так задеревенели, что при движении он, казалось, слышал хруст собственных суставов. Хотя в этом возрасте телу полагалось спать на твердом, человек, привыкший к матрасам, с трудом переносил голые доски.

Превозмогая ноющую боль, он поправил полог кровати, стараясь плотнее укрыть спальное место, поильнее закутался в одеяло и снова сжался в комок. Но в доме из глинобитных кирпичей было много трещин; даже при закрытых дверях и окнах сквозняк гулял по комнате, отчего полог слегка колыхался.

Он знал, что в эпоху с такими ограниченными средствами обогрева зима будет тяжелой, но не ожидал, что настолько. Ноги были холодными, будто их только что достали из ледяного погреба. Если бы не крайняя усталость, он точно не уснул бы так быстро.

Он подтянул ноги, стараясь согреть их о то место под собой, которое уже успел нагреть за время сна. На миг стало легче, но ступни всё равно отдавали холодом, и вскоре даже согретое место остыло. Из-за травмы на ноге от холода пошла пронзительная, сверлящая боль, не дававшая забыться сном.

Ду Хэн стиснул зубы, терпя сквозняки, боль в лодыжке и жесткость кровати. Он лежал и страдал, глядя в потолок полога и гадая, сможет ли пережить эту ледяную ночь. Будет очень неловко, если он умрет в этой комнате и напугает ребёнка.

Спустя какое-то время ему послышался стук в дверь. Тихий, будто пробующий на вкус тишину.

Ду Хэн шевельнулся, выбрался из постели и, обхватив себя руками и стуча зубами от холода, пошел открывать. Отворив дверь, он увидел на пороге Цинь Сяоманя с мрачным лицом и масляной лампой в руке.

— Еще не спишь?

Сяомань одной рукой поднял круглый сосуд – Ду Хэн узнал его, это была грелка «Танпоцзы». Он молча вошел внутрь, сунул грелку в ноги кровати и, просунув руку под одеяло, нащупал там

ледяную пустоту. Так он и знал – этот человек замерз.

— Ложился с холодными ногами, как тут не замерзнуть.

Ду Хэн сухо облизнул губы:

— Который час? Почему ты сам не спишь?

Цинь Сяомань ответил:

— У меня в комнате тепло, я давно лег. Просто встал ночью по нужде и услышал, как ты ворочаешься.

Бровь Ду Хэна дернулась. Ему было неудобно двигать больной ногой и он почти не ворочался во сне, к тому же в такой холод лишнее движение выпускало остатки тепла. Но чего он не подозревал, так это того что Цинь Сяомань лежал у себя и ждал, когда Ду Хэн «потеряет лицо», не выдержит холода и сам придёт к нему греться. Прождав до середины ночи и не услышав шагов, Сяомань в сердцах встал, развел огонь, наполнил грелку и принес её.

Как бы то ни было, глядя на грелку, Ду Хэн почувствовал, что спасен.

— А у тебя в комнате есть грелка?

— Сам до такого состояния замерз, а еще обо мне печешься. Разве в моей комнате может быть холодно?

Цинь Сяомань сердито сверкнул глазами. Он был по-настоящему зол. Ну что за человек: готов замерзнуть насмерть, лишь бы не идти к нему в спальню. Насколько же он его ни во что не ставит?

На самом деле Сяомань не был из тех, кто спешит навязать себя. Если бы Ду Хэн был болтливым и наглым, Сяомань бы точно держал ухо востро и заперся бы на два засова. Но этот мужчина вел себя совсем не как обычные парни, а как какая-нибудь «невеста на выданье», и это пробуждало в сердце Сяоманя странное любопытство: хотелось проверить, на каком моменте тот сдастся.

Он поставил грелку и, подняв голову, увидел, что Ду Хэн судорожно вдыхает холодный воздух и пытается размять спину руками. Заметив, что больная нога стоит неровно, Сяомань нахмурился:

— Нога болит?

— Немного.

— И спина тоже?

Ду Хэн неловко улынулся.

Цинь Сяомань фыркнул:

— Не можешь спать на жёсткой кровати? Ты действительно молодой господин.

Бросив эту фразу, он вышел. Ду Хэн подумал, что тот ушел спать, и уже собирался закрыть дверь, радуясь появлению грелки, как Сяомань вернулся, неся в руках огромную охапку

соломы. Увидев, что Ду Хэн закрывает дверь, он вскинул брови:

— Чего так тщательно запираешься? Я что, съесть тебя собираюсь?

Сяомань в несколько шагов дошел до кровати, откинул постель и принялся заново устилать доски сухой соломой, собранной во время осенней жатвы. Вообще-то, это следовало сделать еще вечером: солома не только смягчает кровать, но и отлично держит тепло. Но Сяомань специально не стал этого делать, желая, чтобы Ду Хэн немного «хлебнул горя», а теперь, видя, как тот страдает от холода и боли в ноге, почувствовал себя немного виноватым.

Он не только уложил солому, но и принес дополнительное одеяло. В доме было всего два ватных одеяла, больше не нашлось, но это тонкое покрывало всё же должно было помочь. Следом он занес в комнату жаровню с углями.

Если бы не лютые морозы, в такое время года, как сейчас (в начале зимы), Сяомань пожалел бы тратить уголь. Его можно было продать в городе; если поднапрячься и нажечь побольше, за зиму можно выручить денег на пару мешков соли. Но, глядя на несчастного Ду Хэна, он подумал, что павшему молодому господину переносить лишения куда труднее, чем тем, кто вырос в нужде.

Ду Хэн смотрел на появившуюся в комнате жаровню, на ставшую мягкой постель – в комнате действительно потеплело. Он взглянул на Цинь Сяоманя, который стоял, уперев руки в бока, с нарочито недовольным видом – в этот момент он был очень похож на вчерашнего Цинь Сюна. Ду Хэн опустил голову, пряча невольную улыбку.

— Спи уже. Теперь должно быть тепло. Завтра утром я схожу к лекарю Цзю и попрошу его прийти осмотреть твою ногу.

Ду Хэн кивнул, и Цинь Сяомань со спокойной душой ушел спать.

После всех этих хлопот Ду Хэн сквозь занавески полога видел в темноте слабый отблеск углей в жаровне, а в ногах чувствовалось тепло грелки. Сон был крепким и спокойным.

На следующее утро Ду Хэну сквозь сон послышался грохот посуды и треск бамбука в топке – кто-то готовил еду. Звуки были негромкими и тонули в шуме дождя. Он проснулся, когда уже окончательно выспался в теплой постели. Взглянув на потолок полога, он вспомнил, где находится.

Когда он откинул занавеску – ворвался холодный воздух. Несмотря на пасмурную погоду, было уже совсем светло. Он быстро оделся. Боковая дверь выходила сразу во двор, но утренний холод после теплой постели был слишком резким, поэтому он предпочел пройти через внутренние помещения.

Ду Хэн увидел, что дверь кухни открыта, и поспешил туда. Кадка с рисом в котле всё еще исходила паром, но Цинь Сяоманя нигде не было. Он обошел дом, позвал его пару раз – никто не отозвался. Видимо, человека действительно не было дома.

Вернувшись на кухню, он присел у очага греться и ждать. В такую рань и в такой холод – куда же он мог уйти? Ду Хэн обычно просыпался рано, часов в семь, и еще тогда слышал возню на кухне; оставалось только гадать, как рано встал Сяомань.

Пока он выглядывал в окно, со стороны двора донеслись голоса.

— Тоже вышла прогуляться?

— Дети просят лапши, вот пошла на поле сорвать пару перьев лука.

Женщина глянула на ту, что с луком, и хихикнула:

— Слыхала? Мань гер притащил какого-то мужика и говорит, что тот будет зятем в его доме. Да еще и хромой! Вот уж потеха!

— От кого слышала?

— Да от второй тетки Сяоманя, разве она станет врать? Мясник Цинь так разъярился, что примчался его лупить.

— Как тут не злиться - найти хромого... Будь это мой гер, я бы его до смерти забила. Вот что бывает, когда нет ни отца, ни матери - одно горе. Второй дядя по доброте душевной хотел его к себе забрать, так тот со второй теткой чуть не подрался, уперся - мол, буду жить один.

— Ну, с другой стороны, с таким-то характером, как у Сяоманя, кого он еще найдет? Только хромой на него и позарится. Так что этот не многим лучше того старого вдовца, о котором ему рассказывала сваха.

— Так он же раньше с Чжао Ци миловался, разве ж он захочет старика.

Ду Хэн не видел говорящих, но прекрасно их слышал. Голоса сельских баб всегда были громкими, и их сплетни у ворот были отчетливо слышны в доме. Похоже, они специально пришли поглазеть на него, как на диковинку.

Ду Хэн смотрел на морозящий дождь. В такую погоду в деревне делать нечего, и любое происшествие - повод для развлечения. В прошлый раз, когда на него так пялились, это было на большом собрании в его мире, а теперь - из-за того, что он стал «зятем в доме». Он невольно потер переносицу, испытывая сложные чувства.

Как раз когда он раздумывал, стоит ли выйти и как-то отреагировать, раздался четкий и раздраженный окрик:

— Чего вылупились! Мужиков никогда не видели?!

—

<http://bllate.org/book/14888/1324387>